

Компартия выиграла парламентские выборы в Молдавии

Опубликовано 07.04.2009

Программу ведет Андрей Шарый.

Андрей Шарый: На парламентских выборах в Молдавии победила правящая партия коммунистов, их победа очень убедительная. В парламент, правда, наряду с представителями Коммунистической партии прошли еще три политические силы: Либеральная партия, Либерально-демократическая партия и альянс "Наша Молдова". Но им, во-первых, будет трудно договориться между собой, во-вторых, трудно составить общий фронт политического сопротивления коммунистам.

Молдавия - единственная постсоветская республика, в которой у власти находится не сменившая названия после распада Советского Союза Коммунистическая партия. То, что казалось в конце 90-х годов коммунистическим реваншем, оказалось длительной и решающей для молдавского общества политической тенденцией. Почему в Молдавии так популярны коммунисты? Почему им не в состоянии противостоять партии правого или либерального толка? О силе молдавских коммунистов я беседовал с известным политологом, экспертом по республикам бывшего Советского Союза, главным научным сотрудником Института Европы РАН Дмитрием Фурманом.

Дмитрий Фурман: Она пришла к власти после длительного периода, когда у власти стояли, скажем так, правые силы. Она пришла в результате протестного голосования. То же самое, что было бы у нас, если бы победил в 1996 году, предположим, Зюганов. В отличие от нас Молдавия пошла, в общем, по пути создания парламентской республики и это то, чего у нас в России демократы больше всего боялись. Мы так боялись победы коммунистов, боялись реванша. Вот Молдавии этот реванш и победа коммунистов казались не такой опасной. Молдавия сейчас по западным рейтингам, по рейтингам "Фридом хауз", например, является самой демократической страной в СНГ. Там есть какие-то претензии к выборам и так далее, но это просто не сопоставимо и не сравнимо с тем, что происходит в других странах СНГ, в том числе и в России.

Андрей Шарый: И все-таки, почему именно коммунисты?

Дмитрий Фурман: Это то, что было во всех постсоветских странах, где начали приходиться к власти партии, они не назывались коммунистическими, но партии, связанные с номенклатурой коммунистического периода. Это нормальный совершенно процесс. Почему именно в Молдавии сопротивление коммунистам было чуть более слабое? Почему в Молдавии был больший раскол в партии власти? Это связано с особенностями национальной самоидентификации Молдавии, с тем, что там борются все время молдавская и румынская ориентации и некоторые другие причины. Там очень важный, конечно, фактор - это личный фактор, фактор самого Воронина, который, безусловно, с моей точки зрения, является очень сильной фигурой. То, что они пришли к власти, действительно исключительный случай, но, с другой стороны, под своеобразной формой появляются какие-то нормальные закономерности. У власти когда стояли коммунисты на протяжении всего этого, уже теперь довольно длительного периода, Молдавия очень активно шла по пути либеральных реформ и по пути сближения с Евросоюзом. И хотя начинали коммунисты, в общем-то, принципиальных отличий от российских не было. Воронин в свое время говорил, когда они еще шли к власти, мы победим и мы продержимся, как держится Куба среди империалистических хищников.

Андрей Шарый: Вы обращаете внимание на положительные стороны развития Молдавии. Вместе с тем эта республика остается одной из самых бедных на пространстве бывшего Советского Союза, это республика, не решившая принципиальную для себя территориальную проблему, республика, имеющая свои проблемы самоидентификации. Можно ли квалифицировать симпатии молдавских избирателей в сторону коммунистов, как просто голосование в сторону патерналистского такого общественного типа сознания?

Дмитрий Фурман: Не думаю. Где особенно патерналистское сознание? То есть идет нормальный

процесс молдавской европеизации. Конечно, три раза подряд победа коммунистов - это уже слишком. Вместо нормального демократического развития страны нужно хорошее сильное левое, но нужно и хорошее сильное правое. Вот левое у них есть, правое, к сожалению, слишком разобщено, слишком занято склоками. Слишком много партий, которые не способны объединиться, слишком много политических амбиций. Это похоже на то, что с правыми и в других странах, в том числе и в России.

Андрей Шарый: Очередная победа коммунистов открывает какие-то новые перспективы перед Молдавией в плане, скажем, решения приднестровской проблемы?

Дмитрий Фурман: Ничего это особенно не открывает. Сегодня приднестровская проблема полностью зависит от Кремля, естественно. Передавать это Приднестровье Молдавии, я думаю, мы не собираемся. Сама приднестровская верхушка в принципе никогда ни на какие соглашения не пойдет и на реинтеграцию в Молдавию не пойдет. Поэтому все это будет приблизительно так же. Молдаване периодически или делают вид, или искренне у них возникают такие иллюзии, что скоро, скоро, скоро все как-то разрешится. Мне кажется, что это иллюзии. Есть такие страны, у которых отнята какая-то часть территории, они нормально живут, нормально развиваются. Кипр сделал колоссальные успехи без Северного Кипра, который оказался под турками. Так что я думаю, что это не какое-то страшное препятствие для развития Молдавии.

Андрей Шарый: Молдавия, как территория, которая еще в некотором отношении не перепутать, это борьба румынского и, скажем так, постсоветского. Здесь возможные какие-то подвижки, на ваш взгляд?

Дмитрий Фурман: У меня такое впечатление, что здесь и происходит некоторое смягчение. Часть молдавского общества, конечно, прежде всего интеллигенция. Румынизм рос на протяжении всего советского периода и быстро вышел наружу с падением советской власти. Но большинство молдавского народа, в общем, не имеет ясной, румынской самоидентификации. Вот как молдавская самоидентификация, которая создавалась в советское время, она более-менее принята. На протяжении долгого времени этот раскол, раскол по самоидентификации, почему-то очень глубоко все-таки по очень важному для людей, придавал особенную ожесточенность, я бы сказал, молдавской политической элите. Мне кажется, что с годами это смягчается. Румынская часть молдавского общества, если она когда-нибудь победит (а она когда-нибудь наверняка все-таки победит), правые румынисты придут когда-нибудь к власти, это не будет означать быстрой и моментальной какой-то интеграции в Румынию и всегда останется какой-то элемент молдавского самосознания и молдавского патриотизма. И, наоборот, вот такое отождествление румынизма со всем страшным, не знаю, румынские оккупанты, это тоже остается все более-менее в прошлом. Мне кажется, что постепенно это как-то более-менее успокаивается.